

или

1938к
2749 / II

2

329 XI

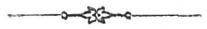
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

Ф. М. Достоевскаго.

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Дневникъ писателя
за 1877 г.

Безплатное приложение къ журналу „НИВА“ на 1895 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание А. Ф. МАРКСА.
1895.

АПРѢЛЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Война. Мы всёхъ сильнѣе.

„Война! объявлена война“, — восклицали у насъ двѣ недѣли назадъ. „Будеть ли война?“ — спрашивали тутъ же другіе. „Объявлена, объявлена!“ отвѣчали имъ. „Да, объявлена, но будетъ ли?“ продолжали тѣ спрашивать...

И, право, были такіе вопросы, можетъ быть, есть и теперь. И это не отъ одной только долгой дипломатической проволочки разувѣрились такъ люди, тутъ другое, тутъ инстинктъ. Всѣ чувствуютъ, что началось что-то окончательное, что наступаетъ какой-то конецъ чего-то прежняго, долгаго, длиннаго прежняго, и дѣлается шагъ къ чему-то совсѣмъ уже новому, къ чему-то преломляющему прежнее на-двое, обновляющему и воскрешающему его уже для новой жизни и... что шагъ этотъ дѣлаетъ Россія! Вотъ въ этомъ-то и невѣріе „премудрыхъ“ людей. Инстинктивное предчувствіе есть, а невѣріе продолжается: „Россія! Но какъ же она можетъ, какъ она смѣетъ? Готова ли она? Готова ли внутренне, нравственно, не только матеріально? Тамъ Европа, легко сказать—Европа! А Россія, что такое Россія? И на такой шагъ?“

Но народъ вѣрить, что онъ готовъ на новый, обновляющій и великій шагъ. Это самъ народъ поднялся на войну, съ Царемъ во главѣ. Когда раздалось Царское слово, народъ хлынулъ въ церкви, и это по всей земли русской. Когда читали Царскій манифестъ, народъ крестился и всѣ

поздравляли другъ друга съ войной. Мы это сами видѣли своими глазами, слышали, и все это даже здѣсь, въ Петербургѣ. И опять начались тѣ же дѣла, тѣ же факты, какъ и въ прошломъ году. Крестьяне въ волостяхъ жертвуютъ по силѣ своей деньги, подводы, и вдругъ, эти тысячи людей, какъ одинъ человекъ, восклицаютъ: „да что жертвы, что подводы, мы всѣ пойдемъ воевать!“ — Здѣсь, въ Петербургѣ, являются жертвователи на раненыхъ и больныхъ воиновъ, даютъ суммы по нѣскольکو тысячъ, а записываются *неизвѣстными*. Такихъ фактовъ множество, будутъ десятки тысячъ подобныхъ фактовъ и никого ими не удивишь. Они означаютъ лишь, что весь народъ поднялся за истину, за святое дѣло, что весь народъ поднялся на войну и идетъ. О, мудрецы и эти факты отрицать будутъ, какъ и прошлогодніе; мудрецы все еще, какъ и недавно, продолжаютъ смѣяться надъ народомъ, хотя и замѣтно притихли ихъ голоса. Почему же они смѣются, откуда въ нихъ столько самоувѣренности? А вотъ, именно, потому-то и продолжаютъ они смѣяться, что все еще почитаютъ себя силой, той самой силой, безъ которой ничего не подѣлаешь. А межъ тѣмъ сила-то ихъ приходитъ къ концу. Близятся они къ страшному краху и когда разразится надъ ними крахъ, пустятся и они говорить другимъ языкомъ, но всѣ увидятъ, что они бормочатъ чужія слова и съ чужого голоса и отвернутся отъ нихъ и обратятъ свое упованіе туда, гдѣ Царь и народъ его съ нимъ.

Намъ нужна эта война и самимъ; не для однихъ лишь „братьевъ-славянъ“, измученныхъ турками, поднимаемся мы, а и для собственнаго спасенія: война освѣжитъ воздухъ, которымъ мы дышимъ и въ которомъ мы задыхались, сидя въ немощи разстлѣнія и въ духовной тѣснотѣ. Мудрецы кричатъ и указываютъ, что мы погибаемъ и задыхаемся отъ нашихъ собственныхъ внутреннихъ неустройствъ, а потому не войны желать намъ надо, а, напротивъ, долгаго міра, чтобы мы изъ звѣрей и тупиць могли обратиться въ людей, научились порядку, честности и чести: „тогда и идите помогать вашимъ братьямъ-славянамъ“—заканчиваютъ они, въ одинъ хоръ свою пѣсню. Любопытно, въ такомъ случаѣ, въ какомъ видѣ представляютъ они себѣ тотъ процессъ, посредствомъ котораго они сдѣлаются лучше? И какимъ образомъ сами-то они приобрѣтутъ себѣ честь явнымъ безчестіемъ? Любопытно,

наконецъ, какъ и чѣмъ оправдываютъ они свой разрывъ съ всеобщимъ и повсемѣстнымъ чувствомъ народнымъ? Нѣтъ, видно правда, что истина покупается лишь мученичествомъ. Милліоны людей движутся и страдают и отходятъ безслѣдно, какъ бы предназначенные никогда не понять истину. Они живутъ чужою мыслью, ищутъ готоваго слова и примѣра, схватываются за подсказанное дѣло. Они кричатъ, что за нихъ авторитеты, что за нихъ Европа. Они свистятъ на несогласныхъ съ ними, на всѣхъ презирающихъ лакейство мысли и вѣрящихъ въ свою собственную и народа своего самостоятельность. И что же, на самомъ-то дѣлѣ эти массы кричащихъ людей предназначены послужить собою лишь коснымъ средствомъ для того, чтобы развѣ единицы лишь изъ нихъ приблизились сколько-нибудь къ истинѣ, или, по крайней мѣрѣ, получили бы о ней хоть предчувствіе. Вотъ эти-то единицы и ведутъ потомъ всѣхъ за собою, овладѣваютъ движеніемъ, рожаютъ идею и оставляютъ ее въ наслѣдство этимъ мечущимся массамъ людей. Такія единицы уже были и у насъ. Нѣкоторые изъ насъ уже ихъ понимаютъ, даже многіе. Но мудрецы все еще продолжаютъ смѣяться и все еще вѣрить въ себя, что они великая сила. „Погуляютъ и воротятся“, говорятъ они теперь про наши войска, перешедшія границу, говорятъ даже вслухъ. „Не бываетъ войнѣ, какаѣ война, гдѣ ужъ намъ воевать: просто военная прогулка и маневры, съ тратой сотенъ милліоновъ, для поддержанія чести“. Вотъ ихъ интимный взглядъ на дѣло. Да и интимный ли?

Да, если бы могло такъ случиться, что мы будемъ биты, или хотя и побьемъ врага, но подъ давленіемъ обстоятельствъ замиримъ пустяками, — о, тогда мудрецы, конечно, восторжествуютъ. И какой, какой опять начнется свистъ и гамъ и цинизмъ на нѣсколько лѣтъ, какаѣ опять вакханаліи самооплеванія, пощечинъ и самодразненія—и это не для вызова къ воскресенію и силѣ, а именно ради торжества собственного безчестія, безличности и бессилія. И новый нигилизмъ начнетъ, точь въ точь какъ и прежній, съ отрицанія народа русскаго и самостоятельности его. А главное, приобрѣтетъ столько силы и такъ укрѣпится, что несомнѣнно начнетъ даже вслухъ помыкать святыней Россіи. И опять молодежь оплюетъ свои семейства и дома, и побѣжитъ отъ своихъ стариковъ, твердящихъ въ зубряжку безконечныя общія мѣста и старья,

надобъвшія всѣмъ слова о европейскомъ величїи и объ обязанности нашей быть какъ можно безличнѣе. А главное— старая пѣсня, старыя слова и — надолго новаго ничего! Нѣтъ, намъ нужна война и побѣда. Съ войной и побѣдой придетъ новое слово, и начнется живая жизнь, а не одна только мертвящая болтовня какъ прежде,—да что какъ прежде, какъ до сихъ поръ, господа!

Но надо быть на все готовымъ, и что же; если предположить даже самый худшїй, самый даже невозможно худшїй исходъ для начавшейся теперь войны, то, хоть и много вынесемъ сквернаго, уже надобнаго до смерти стараго горя, но колоссъ все же не будетъ расшатанъ и рано ли, поздно ли, а возьметъ все свое. Это не надежда только, это полная увѣренность и въ этой невозможности расшатать колоссъ—вся наша сила передъ Европой, гдѣ всѣ теперь, чуть не сплошь, боятся, что расшатается ихъ старое зданіе и обрушатся на нихъ потолки. Колоссъ этотъ есть народъ нашъ. И начало теперешней *народной* войны, и всѣ недавнїя предшествовавшїя ей обстоятельства показали лишь наглядно, всѣмъ, кто смотрѣть умѣетъ, всю народную цѣлость и свѣжесть нашу и до какой степени не коснулось народныхъ силъ нашихъ то растлѣніе, которое загноило мудрецовъ нашихъ. И какую услугу оказали намъ эти мудрецы передъ Европой! Они такъ недавно еще кричали на весь міръ, что мы бѣдны и ничтожны; они насмѣшливо увѣряли всѣхъ, что духа народнаго нѣтъ у насъ вовсе, потому что и *народа* нѣтъ вовсе, потому что и народъ нашъ и духъ его изобрѣтены лишь фантазіями доморощенныхъ московскихъ мечтателей; что восемьдесятъ милліоновъ мужиковъ русскихъ суть всего только милліоны косныхъ, пьяныхъ податныхъ единицъ; что никакого соединенїя Царя съ народомъ нѣтъ, что это лишь въ прописяхъ, что все, напротивъ, расшатано и проѣдено нигилизмомъ; что солдаты наши бросаютъ ружья и побѣгутъ какъ бараны; что у насъ нѣтъ ни патроновъ, ни провіанта и что мы, въ заключеніе, сами видимъ, что расхрабрились и зарвались не въ мѣру и изо всѣхъ силъ ждемъ только предлога, какъ бы отступить безъ послѣдней степенн позорныхъ пощечинъ, которыхъ „даже и намъ уже нельзя выносить“, и молимъ, чтобъ предлогъ этотъ намъ выдумала Европа. Вотъ въ чемъ клялись мудрецы наши, и что же: на нихъ почти и сердиться нельзя, это ихъ взглядъ и понятїя, кровные взглядъ и

понятія. И дѣйствительно, да, мы бѣдны, да, мы жалки во многомъ; да, дѣйствительно у насъ столько нехорошаго, что мудрецъ, и особенно если онъ *нашъ* „мудрецъ“, не могъ „измѣнить“ себѣ и не могъ не воскликнуть: „капуть Россіи и жалѣть нечего!“ Вотъ эти-то родныя мысли мудрецовъ нашихъ и облетѣли Европу, и особенно черезъ европейскихъ корреспондентовъ, нахлынувшихъ къ намъ наканунѣ войны изучить насъ на мѣстѣ, рассмотреть насъ своими европейскими взглядами и измѣрить наши силы своими европейскими мѣрками. И, само собою, они слушали однихъ лишь „премудрыхъ и разумныхъ“ нашихъ. Народную силу, народный духъ всѣ проглядѣли, и облетѣла Европу вѣсть, что гибнетъ Россія, что ничто Россія, ничто была, ничто и есть и въ ничто обратится. Дрогнули сердца исконныхъ враговъ нашихъ и ненавистниковъ, которымъ мы два вѣка ужъ досаждаемъ въ Европѣ, дрогнули сердца многихъ тысячъ жидовъ европейскихъ и милліоновъ вмѣстѣ съ ними жидовствующихъ „христіанъ“; дрогнуло сердце Биконсфильда: сказано было ему, что Россія все перенесетъ, все, до самой срамной и послѣдней пощечины, но не пойдетъ на войну—до того, дескать, сильно ея „миролюбіе“. Но Богъ насъ спасъ, наславъ на нихъ на всѣхъ слѣпоту; слишкомъ уже они повѣрили въ погибель и въ ничтожность Россіи, а главное-то и проглядѣли. Прогладѣли они весь русскій народъ, какъ живую силу, и проглядѣли колоссальный фактъ: союзъ Царя съ народомъ своимъ! Вотъ *только это* и проглядѣли они! Кромѣ того, не могли они никакъ понять и повѣрить тому, что Царь нашъ дѣйствительно миролюбивъ и дѣйствительно такъ жалѣетъ кровь человѣческую: они думали, что все это у насъ изъ „политики“. Не видятъ они ничего даже и теперь: они кричатъ, что у насъ вдругъ, послѣ Царскаго манифеста, появился „патріотизмъ“. Да развѣ это патріотизмъ, развѣ это единеніе Царя съ народомъ на великое дѣло есть *только* патріотизмъ? Въ томъ-то и главная наша сила, что они совсѣмъ не понимаютъ Россіи, ничего не понимаютъ въ Россіи! Они не знаютъ, что мы непобѣдимы ничѣмъ въ мірѣ, что мы можемъ, пожалуй, проигрывать битвы, но все-таки останемся непобѣдимыми именно единеніемъ нашего духа народнаго и сознаниемъ народнымъ. Что мы не Франція, которая вся въ Парижѣ, что мы не Европа, которая вся зависитъ отъ биржъ своей буржуа-

зи и отъ „спокойствія“ своихъ пролетаріевъ, покупаемаго уже послѣдними усиліями тамошнихъ правительствъ и всего лишь на часъ. Не понимаютъ они и не знаютъ, что если мы *захотимъ*, то насъ не побѣдятъ ни жида всей Европы вмѣстѣ, ни милліоны ихъ золота, ни милліоны ихъ армій, что если мы захотимъ, то насъ нельзя заставить сдѣлать то, чего мы не пожелаемъ, и что нѣтъ такой силы на всей землѣ. Бѣда только въ томъ, что надъ словами этими засмѣются не только въ Европѣ, но и у насъ, и не только наши мудрецы и разумные, а даже и настоящіе русскіе люди интеллигентныхъ слоевъ нашихъ—до того мы еще не понимаемъ самихъ себя и всю исконную силу нашу, до сихъ поръ еще, слава Богу, не надломившуюся. Не понимаютъ это хорошіе люди, что у насъ, въ нашей необозримой и своеобразной, въ высшей степени непохожей на Европу странѣ, даже тактика военная (столь общая вещь!), можетъ быть, совсѣмъ не похожая на европейскую, что основы европейской тактики—деньги и ученныя организаціи шестисотъ-тысячныхъ войсковыхъ нашествій могутъ споткнуться о землю нашу и наткнуться у насъ на новую и невѣдомую имъ силу, основы которой лежатъ въ природѣ безконечной земли русской и въ природѣ всеединящагося духа русскаго. Но пусть *пока* еще не знаютъ этого у насъ столь многіе и хорошіе люди (не знаютъ и робѣютъ). Но зато знаютъ это Цари наши и чувствуетъ это народъ нашъ. Александръ I зналъ про эту своеобразную силу нашу, когда говорилъ, что отраститъ себѣ бороду и уйдетъ въ лѣса съ народомъ своимъ, но не положитъ меча и не покорится волѣ Наполеона. И ужъ, конечно, объ такую силу разбилась бы вся Европа вмѣстѣ, потому что не хватить у ней на такую войну ни денегъ, ни единства организаціи. Когда у насъ всѣ наши русскіе люди узнаютъ о томъ, что мы такъ сильны, тогда мы и добьемся того, что воевать уже не будемъ, тогда въ насъ увѣруютъ и впервые *откроетъ* насъ, какъ когда-то Америку, Европа. Но для того надобно, чтобы мы прежде ихняго открыли сами себя и чтобы интеллигенція наша поняла, что ей нельзя уже болѣе разъединяться и разрывать съ народомъ нашимъ...

II.

Не всегда война бичъ, а иногда и спасеніе.

Но мудрецы наши схватились и за другую сторону

дѣла: они проповѣдуютъ о человѣколюбіи, о гуманности, они скорбятъ о пролитой крови, о томъ, что мы еще больше озвѣрѣемъ и осквернимся въ войнѣ и тѣмъ еще болѣе отдалимся отъ внутренняго преуспѣянія, отъ вѣрной дороги, отъ науки. Да, война, конечно, есть несчастье, но много тутъ и ошибки въ разсужденіяхъ этихъ, а главное—довольно ужъ намъ этихъ буржуазныхъ нравоченій! Подвигъ самопожертвованія кровью своею за все то, что мы почитаемъ святымъ, конечно, нравственнѣе всего буржуазнаго катехизиса. Подъемъ духа націи ради великодушной идеи—есть толчокъ впередъ, а не озвѣрѣніе. Конечно, мы можемъ ошибаться въ томъ, что считаемъ великодушной идеей; но если то, что мы почитаемъ святынею—позорно и порочно, то мы не избѣгнемъ кары отъ самой природы: позорное и порочное несетъ само въ себѣ смерть, и рано ли, поздно ли, само собою казнить себя. Война, напримѣръ, изъ-за пріобрѣтенія богатствъ, изъ-за потребности ненасытной биржи, хотя въ основѣ своей и выходитъ изъ того же общаго всѣмъ народамъ закона развитія своей національной личности, но бываетъ тотъ предѣлъ, который, въ этомъ развитіи, переходить нельзя, и за которымъ всякое пріобрѣтеніе, всякое развитіе значить уже излишекъ, несетъ въ себѣ болѣзнь, а за ней и смерть. Такъ, Англія, если бъ стала въ теперешней восточной борьбѣ за Турцію, забывъ уже окончательно, изъ-за торговыхъ выгодъ своихъ, стоны измученнаго человѣчества—безъ сомнѣнія, подняла бы сама на себя мечъ, который, рано ли, поздно ли, а опустился бы ей самой на голову. Наоборотъ: что святыне и чище подвига такой войны, которую предпринимаетъ теперь Россія? Скажутъ, что „вѣдь и Россія, хоть и вправду идетъ лишь освобождать измученныя племена и возрождать ихъ самостоятельность, но вѣдь тѣмъ самымъ, въ этихъ же племенахъ, пріобрѣтетъ потомъ себѣ же союзниковъ, а, стало быть, силу,—и что, стало быть, все это, разумѣется, составляетъ тотъ же самый законъ развитія національной личности, къ которому стремится и Англія. А такъ какъ замыселъ „панславизма“ колоссальностью своей, безъ сомнѣнія, можетъ пугать Европу, то ужъ по одному закону самосохраненія, Европа несомнѣнно въ правѣ остановить насъ, точно такъ же, впрочемъ, какъ и мы въ правѣ идти впередъ, нисколько не останавливаясь передъ ея страхомъ и руководясь въ дви-

женіи нашемъ лишь политической предусмотрительностью и благоразуміемъ. Такимъ образомъ, ничего нѣтъ въ этомъ ни святого, ни позорнаго, а есть лишь какъ бы вѣковѣчный животный инстинктъ народовъ, которому подчиняются безразлично всѣ, еще недостаточно и неразумно развитыя племена на землѣ. Тѣмъ не менѣе, накопившееся сознание, наука и гуманность, рано ли, поздно ли, непременно должны ослабить вѣковѣчный и звѣрскій инстинктъ неразумныхъ націй и вселить, напротивъ, во всѣхъ народахъ желаніе мира, международнаго единенія и чело-вѣколюбиваго преуспѣянія. А, стало быть, надо все-таки проповѣдывать миръ, а не кровь“.

Святые слова! Но въ настоящемъ случаѣ они какъ-то не прикладываются къ Россіи, или, чтобъ еще лучше выразиться,—Россія составляетъ собою, въ теперешній историческій моментъ всей Европы, какъ бы нѣкоторое исключеніе, что и дѣйствительно такъ. Въ самомъ дѣлѣ, если Россія, столь безкорыстно и правдиво ополчившаяся теперь на спасеніе и на возрожденіе угнетенныхъ племенъ, въ послѣдствіи и усилится ими же, то все же, и въ этомъ даже случаѣ, явится собою самый исключительный примѣръ, котораго ужъ никакъ не ожидаетъ Европа, мѣрящая на свой аршинъ. Усилясь, хотя бы даже чрезмѣрно, союзомъ своимъ съ освобожденными ею племенами, она не бросится на Европу съ мечемъ, не захватитъ и не отниметъ у ней ничего, какъ бы непременно сдѣлала Европа, если бъ нашла возможность вновь соединиться вся противъ Россіи, и какъ дѣлали въ Европѣ всѣ націи, во всю жизнь свою, чуть только получала какая-нибудь изъ нихъ возможность усилиться на счетъ своей сосѣдки. (И это съ самыхъ дикихъ первобытныхъ временъ Европы вплоть до современной намъ и еще столь недавней Франко-Прусской войны, и куда дѣвалась тогда вся ихняя цивилизація: бросилась самая ученая и просвѣщенная изъ всѣхъ націй на другую, столь же ученую и просвѣщенную и, воспользовавшись случаемъ, загрызла ее какъ дикій звѣръ, выпила ея кровь, выжила изъ нея соки въ видѣ миллиардовъ дани и отрубила у ней цѣлый бокъ въ видѣ двухъ самыхъ лучшихъ провинцій! Да, вправду, виновата ли Европа, если послѣ этого не можетъ понять назначенія Россіи? Имъ ли, гордымъ, ученымъ и сильнымъ, понять и допустить хоть въ фантазій, что Россія предназначена и создана, можетъ быть, для ихъ же спа-

сенія, и что она только, можетъ быть, произнесетъ, наконецъ, это слово спасенія!). О, да, да, конечно—мы не только ничего не захватимъ у нихъ, и не только ничего не отнимемъ, но именно тѣмъ самымъ обстоятельствомъ, что чрезмѣрно усилимся (союзомъ любви и братства, а не захватомъ и насиліемъ)—тѣмъ самымъ и получимъ, наконецъ, возможность не обнажать меча, а, напротивъ, въ спокойствіи силы своей, явить собою примѣръ уже искренняго мира, международнаго всеединенія и безкорыстія. Мы первые объявимъ міру, что не чрезъ подавленіе личностей иноплеменныхъ намъ національностей хотимъ мы достигнуть собственнаго преуспѣянія, а, напротивъ, видимъ его лишь въ свободнѣйшемъ и самостоятельнѣйшемъ развитіи всѣхъ другихъ націй и въ братскомъ единеніи съ ними, восполняясь одна другою, прививая къ себѣ ихъ органическія особенности и удѣляя имъ и отъ себя вѣтви для прививки, сообщаясь съ ними душой и духомъ, учась у нихъ и уча ихъ, и такъ до тѣхъ поръ, когда человѣчество, восполняясь міровымъ общеніемъ народовъ до всеобщаго единства, какъ великое и великолѣпное древо осѣнитъ собою счастливую землю. О, пускай смѣются надъ этими „фантастическими“ словами наши теперешніе „общечеловѣки“ и самооплевники наши, но мы невиноваты, если вѣримъ тому, т. е. идемъ рука въ руку вмѣстѣ съ народомъ нашимъ, который именно вѣритъ тому. Спросите народъ, спросите солдата: для чего они поднимаются, для чего идутъ и чего желаютъ въ начавшейся войнѣ,—и всѣ скажутъ вамъ, какъ одинъ человѣкъ, что идутъ, чтобъ Христу служить и освободить угнетенныхъ братьевъ, и ни одинъ изъ нихъ не думаетъ о захватѣ. Да, мы тутъ, именно въ теперешней же войнѣ, и докажемъ всю нашу идею о будущемъ предназначеніи Россіи въ Европѣ, именно тѣмъ докажемъ, что, освободивъ славянскія земли, не приобрѣтемъ изъ нихъ себѣ ни клочка (какъ мечтаетъ уже Австрія для себя), а, напротивъ, будемъ надзирать за ихъ же взаимнымъ согласіемъ и оборонять ихъ свободу и самостоятельность хотя бы отъ всей Европы. А если такъ, то идея наша свята и война наша вовсе не „вѣковѣчный и звѣрскій инстинктъ не разумныхъ націй“, а именно первый шагъ къ достиженію того вѣчнаго мира, въ который мы имѣемъ счастье вѣрить, къ достиженію *воистину* международнаго единенія и *воистину* человѣколюбиваго преуспѣянія! И такъ

не всегда надо проповѣдывать одинъ только миръ, и не въ мирѣ одномъ, во что бы то ни стало, спасеніе, а иногда и въ войнѣ оно есть.

III.

Спасаетъ ли пролитая кровь?

„Но вѣдь кровь, но вѣдь все-таки кровь“ — наладили мудрецы, и право же, всё эти казенныя фразы о крови— все это подчасъ только наборъ самыхъ ничтожнѣйшихъ высокихъ словъ для извѣстныхъ цѣлей. Биржевики, на-примѣръ, чрезвычайно любятъ теперь толковать о гуманности. И многіе, толкующіе теперь о гуманности, суть лишь торгующіе гуманностью. А между тѣмъ крови, можетъ быть, еще больше бы пролилось безъ войны. По-вѣрьте, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, если не во всѣхъ почти (кромѣ развѣ войнъ междоусобныхъ) — война есть процессъ, которымъ именно съ наименьшимъ пролитіемъ крови, съ наименьшею скорбію и съ наименьшею тратой силъ, достигается международное спокойствіе и вырабатываются, хоть приблизительно, сколько-нибудь нормальныя отношенія между націями. Разумѣется, это грустно, но что же дѣлать если это такъ. Ужъ лучше разъ извлечь мечъ, чѣмъ страдать безъ срока. И чѣмъ лучше те-перешній миръ между цивилизованными націями—войны? Напротивъ, скорѣе миръ, долгій миръ звѣрится и ожесточаетъ человѣка, а не война. Долгій миръ всегда рождаетъ жестокость, трусость и грубый, ожирѣлый эгоизмъ, а главное—умственный застой. Въ долгій миръ жирѣютъ лишь одни эксплуататоры народовъ. Налажено, что миръ рождаетъ богатство, — но вѣдь лишь десятой доли людей, а эта десятая доля, заразившись болѣзнями богатства, сама передаетъ заразу и остальнымъ девяти десятымъ, хотя и безъ богатства. Заражается же она развратомъ и цинизмомъ. Отъ излишняго скопленія богатства въ однѣхъ рукахъ, рождается у обладателей богатства грубость чувствъ. Чувство изящнаго обращается въ жажду капризныхъ излишествъ и ненормальностей. Страшно развивается сладострастіе. Сладострастіе рождаетъ жестокость и трусость. Грузная и грубая душа сладострастника жесточе всякой другой, даже и порочной души. Иной сладострастникъ, падающій въ обморокъ при видѣ крови изъ обрѣзаннаго пальца, не проститъ бѣдняку и заточитъ его въ тюрьму за ничтожнѣйшій долгъ. Жестокость же рождаетъ усилен-

ную, слишком трусливую заботу о самообезпеченіи. Эта трусливая забота о самообезпеченіи всегда, въ долгій миръ, подъ конецъ обращается въ какой-то панической страхъ за себя, сообщается всеѣмъ слоямъ общества, рождаетъ страшную жажду накопленія и пріобрѣтенія денегъ. Теряется вѣра въ солидарность людей, въ братство ихъ, въ помощь общества, провозглашается громко тезисъ: „всякій за себя и для себя“; бѣднякъ слишкомъ видитъ что такое богачъ и какой онъ ему братъ, и вотъ все уединяются и обособляются. Эгоизмъ умерщвляетъ великодушіе. Лишь искусство поддерживаетъ еще въ обществѣ высшую жизнь и будитъ души, засыпающія въ періоды долгаго мира. Вотъ отчего и выдумали, что искусство можетъ процвѣтать лишь во время долгаго мира, а между тѣмъ тутъ огромная невѣрность: искусство, то-есть истинное искусство, именно и развивается потому во время долгаго мира, что идетъ въ разрѣзъ съ грузнымъ и порочнымъ усыпленіемъ душъ и, напротивъ, созданіями своими, всегда въ эти періоды, взываетъ къ идеалу, рождаетъ протестъ и негодованіе, волнуетъ общество и нерѣдко заставляетъ страдать людей, жаждущихъ проснуться и выйти изъ зловонной ямы. Въ результатъ же оказывается, что буржуазный долгій миръ, все-таки, въ концѣ концовъ, всегда почти зарождаетъ самъ потребность войны, выносить ее самъ изъ себя, какъ жалкое слѣдствіе, но уже не изъ-за великой и справедливой цѣли, достойной великой націи, а изъ-за какихъ-нибудь жалкихъ биржевыхъ интересовъ, изъ-за новыхъ рынковъ, нужныхъ эксплуататорамъ, изъ-за пріобрѣтенія новыхъ рабовъ, необходимыхъ обладателямъ золотыхъ мѣшковъ,—словомъ, изъ-за причинъ, неоправдываемыхъ даже потребностью самосохраненія, а, напротивъ, именно свидѣтельствующихъ о капризномъ, болѣзненнымъ состояніи національнаго организма.) Интересы эти и войны, за нихъ предпринимая, развращаютъ и даже совсѣмъ губятъ народы, тогда какъ война изъ-за великодушной цѣли, изъ-за освобожденія угнетенныхъ, ради безкорыстной и святой идеи,—такая война лишь очищаетъ зараженный воздухъ отъ скопившихся миазмовъ, лѣчитъ душу, прогоняетъ позорную трусость и лѣнь, объявляетъ и ставитъ твердую цѣль, даетъ и уясняетъ идею, къ осуществленію которой призвана та или другая нація. Такая война укрѣпляетъ каждую душу сознаніемъ самопожертвованія, а духъ всей на-

ціи сознаниємъ взаимной солидарности и единенія всѣхъ членовъ, составляющихъ націю. А главное, сознаниємъ исполненнаго долга и совершеннаго хорошаго дѣла: „не совсѣмъ же мы упали и развратились, есть же и въ насъ человѣческое!“ И посмотрите, съ чего начинали свою проповѣдь эти столь недавніе наши проповѣдники миролюбія и гуманности: они прямо начинали съ самой безчеловѣчной жестокости. Они сами не хотѣли и другихъ удерживали помочь мученикамъ, взывавшимъ къ намъ. Они, повидимому, столь гуманные и чувствительные, хладнокровно и съ насмѣшкой отрицали необходимость для насъ самопожертвованія и духовнаго подвига. Они желали столкнуть Россію на самую пошлую и недостойную великой націи дорогу, не говоря уже объ ихъ презрѣніи къ народу, признавшему въ славянскихъ мученикахъ братьевъ своихъ, а, стало быть, объ ихъ надменномъ разрывѣ съ волею народной, выше которой поставили они свое фальшивое „европейское“ просвѣщеніе. Любимымъ тезисомъ ихъ было: „врачу исцѣлися самъ“. „Вы лѣзете исцѣлять и спасать другихъ, а у самихъ даже школъ не устроено“—выставляли они на видъ. „Что жъ мы и идемъ исцѣляться. Школы важное дѣло, конечно, но школамъ надобенъ духъ и направленіе,—вотъ мы и идемъ теперь запастись духомъ и добывать здоровое направленіе. И добудемъ, особенно если Богъ побѣду пошлетъ. Мы воротимся съ сознаниємъ совершеннаго нами безкорыстнаго дѣла, съ сознаниємъ того, что славно послужили человѣчеству кровью своей, съ сознаниємъ обновленной силы нашей и энергіи нашей—и все это вмѣсто столь недавняго позорнаго шатанія мысли нашей, вмѣсто мертвящаго застоя нашего въ заимствованномъ безъ толку европеизмѣ. Главное же, приобщимся къ народу и соединимся съ нимъ тѣснѣе,—ибо у него и въ немъ одномъ найдемъ исцѣленіе отъ двухвѣковой болѣзни нашей, отъ двухвѣкового непроезжительнаго слабосилія нашего“.

Да и вообще можно сказать, что если общество нездорово и заражено, то даже такое благое дѣло, какъ долгій миръ, вмѣсто пользы обществу обращается ему же во вредъ. Это вообще можно примѣнить даже и ко всей Европѣ. Не даромъ же не проходило поколѣнія въ исторіи европейской, съ тѣхъ поръ какъ мы ее запомнимъ, безъ войны. И такъ, видно и война необходима для чего-нибудь, цѣлительна, облегчаетъ человѣчество. Это возму-

тительно, если подумать отвлеченно, но на практикѣ выходитъ, кажется, такъ, и именно потому, что для зараженнаго организма и такое благое дѣло, какъ миръ, обращается во вредъ. Но все-таки полезною оказывается лишь та война, которая предпринята для идеи, для высшаго и великодушнаго принципа, а не для матеріальнаго интереса, не для жаднаго захвата, не изъ гордаго насилія. Такія войны только сбивали націи на ложную дорогу и всегда губили ихъ. Не мы, такъ дѣти наши увидятъ, чѣмъ кончитъ Англія. Теперь для всѣхъ въ мірѣ уже „время близко“. Да и пора.

IV.

Мнѣніе «Тишайшаго» царя о восточномъ вопросѣ.

Мнѣ сообщили одну выписку изъ одного сочиненія, изданнаго въ Кіевѣ въ прошломъ году: „Московское государство при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патриархѣ Никонѣ, по запискамъ архидіакона Павла Алеппскаго. Соч. Ив. Оболенскаго. Кіевъ, 1876 г., стр. 90—91“. Страница изъ сочиненія чужого, но она столь характерна и столь любопытна въ теперешнюю нашу минуту, а самое сочиненіе, вѣроятно, еще такъ мало извѣстно въ общей массѣ публики, что я рѣшился помѣстить эти нѣсколько строкъ въ „Дневникѣ“. Это мнѣніе царя Алексѣя Михайловича о восточномъ вопросѣ,—тоже „Тишайшаго“ царя, но жившаго еще два вѣка тому назадъ, и его тогдашнія слезы о томъ, что онъ не можетъ быть царемъ Освободителемъ.

Говорили, что на Св. Пасху (1656 г.) Государь, христосуясь съ греческими купцами, бывшими въ Москвѣ, сказалъ между прочимъ къ нимъ: «хотите ли вы, и ждете ли, чтобы я освободилъ васъ изъ плѣна и выкушилъ?» И когда они отвѣчали: «какъ можетъ быть иначе? какъ намъ не желать этого?» онъ прибавилъ: «такъ,—поэтому, когда вы возвратитесь въ свою сторону, просите всѣхъ монаховъ и епископовъ молить Бога и совершать литургію за меня, чтобы ихъ молитвами дана была мнѣ мощь отрубить голову ихъ врагу». И, проливъ при этомъ обильныя слезы, онъ сказалъ потомъ, обратившись къ вельможамъ: «мое сердце сокрушается о порабощеніи этихъ бѣдныхъ людей, которые стонутъ въ рукахъ враговъ нашей вѣры; Богъ призываетъ меня къ отчету въ день суда, *если, имѣя возможность освободить ихъ, я пренебрегу этимъ.*—Я не знаю, какъ долго будетъ продолжаться это дурное состояніе государственныхъ дѣлъ, но со времени моего отца и предшественниковъ его къ намъ не переставали приходить постоянно съ жалобой на угнетеніе порабощенныхъ патриархи, епископы, монахи и простые бѣдняки, изъ которыхъ ни одинъ не приходилъ иначе, какъ только

преслѣдуемый суровою печалью и убѣгая отъ жестокости своихъ господъ; и я боюсь вопросовъ, которые мнѣ предложитъ Творецъ въ тотъ день: и портишилъ въ своемъ умѣ, если Богу угодно, что потрачу все свои войска и свою казну, пролью свою кровь до послѣдней капли, но постараюсь освободить ихъ». На все это вельможи отвѣчали ему: «Господи, даруй по желанію сердца твоего».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

СОНЪ СМѢШНОГО ЧЕЛОВѢКА.

ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ

I.

Я смѣшной человѣкъ. Они меня называютъ теперь сумасшедшимъ. Это было бы повышеніе въ чинѣ, если бъ я все еще не оставался для нихъ такимъ же смѣшнымъ, какъ и прежде. Но теперь ужъ я не сержусь, теперь они всѣ мнѣ милы и даже когда смѣются надо мной— и тогда чѣмъ-то даже особенно милы. Я бы самъ смѣлся съ ними, — не то что надъ собой, а ихъ любя, если бъ мнѣ не было такъ грустно на нихъ глядя. Грустно потому, что они не знаютъ истины, а я знаю истину. Охъ, какъ тяжело одному знать истину! Но они этого не поймутъ. Нѣтъ, не поймутъ.

А прежде я тосковалъ очень оттого, что казался смѣшнымъ. Не казался, а былъ. Я всегда былъ смѣшонъ, и знаю это, можетъ быть, съ самаго моего рожденія. Можетъ быть, я уже семи лѣтъ зналъ, что я смѣшонъ. Потомъ я учился въ школѣ, потомъ въ университетѣ, и что же—чѣмъ больше я учился, тѣмъ больше я научился тому, что я смѣшонъ. Такъ что для меня вся моя университетская наука какъ бы для того только и существовала подъ конецъ, чтобы доказывать и объяснять мнѣ, по мѣрѣ того какъ я въ нее углублялся, что я смѣшонъ. Подобно какъ въ наукѣ, шло и въ жизни. Съ каждымъ годомъ нарастало и укрѣплялось во мнѣ то же самое сознаніе о моемъ смѣшномъ видѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Надо мной смѣялись всѣ и всегда. Но не знали они никто, и не догадывались о томъ, что если былъ человѣкъ на землѣ, больше всѣхъ знавшій про то, что я смѣшонъ, такъ это былъ самъ я, и вотъ это-то было для меня всего обиднѣе, что они этого не знаютъ, но тутъ я самъ былъ виноватъ: я всегда былъ такъ гордъ, что ни за что и

никогда не хотѣлъ никому въ этомъ признаться. Гордость эта росла во мнѣ съ годами и если бь случилось такъ, что я хоть передь кѣмъ бы то ни было позволилъ бы себѣ признаться, что я смѣшной, то, мнѣ кажется, я тутъ же, въ тотъ же вечеръ, раздробилъ бы себѣ голову изъ револьвера. О, какъ я страдалъ въ моемъ отрочествѣ о томъ, что я не выдержу и вдругъ какъ-нибудь признаюсь самъ товарищамъ. Но съ тѣхъ поръ какъ я сталъ молодымъ человѣкомъ, я хоть и узнавалъ съ каждымъ годомъ, все больше и больше о моемъ ужасномъ качествѣ, но почему-то сталъ немного спокойнѣе. Именно почему-то, потому что я и до сихъ поръ не могу опредѣлить почему. Можетъ быть, потому, что въ душѣ моей нарастала страшная тоска по одному обстоятельству, которое было уже безконечно выше всего меня: именно—это было постигшее меня одно убѣжденіе въ томъ, что на свѣтѣ вездѣ *все равно*. Я очень давно предчувствовалъ это, но полное убѣжденіе явилось въ послѣдній годъ какъ-то вдругъ. Я вдругъ почувствовалъ, что мнѣ *все равно* было бы, существовалъ ли бы міръ, или если бь нигдѣ ничего не было. Я сталъ слышать и чувствовать всѣмъ существомъ моимъ, что *ничего при мнѣ не было*. Сначала мнѣ все казалось, что зато было многое прежде, но потомъ я догадался, что и прежде ничего тоже не было, а только почему-то казалось. Мало-по-малу я убѣдился, что и никогда ничего не будетъ. Тогда я вдругъ пересталъ сердиться на людей, и почти сталъ не примѣчать ихъ. Право, это обнаруживалось даже въ самыхъ мелкихъ пустякахъ, я, напримѣръ, случалось, иду по улицѣ и натыкаюсь на людей. И не то чтобъ отъ задумчивости: объ чемъ мнѣ было думать, я совсѣмъ пересталъ тогда думать: мнѣ было все равно. И добро бы я разрѣшилъ вопросы; о, ни одного не разрѣшилъ, а сколько ихъ было? Но мнѣ стало *все равно*, и вопросы всѣ удалились.

И вотъ, послѣ того ужъ, я узналъ истину. Истину я узналъ въ прошломъ ноябрѣ, и именно третьяго ноября, и съ того времени я каждое мгновенье мое помню. Это было въ мрачный, самый мрачный вечеръ, какой только можетъ быть. Я возвращался тогда въ одиннадцатомъ часу вечера домой и именно, помню, я подумалъ, что ужъ не можетъ быть болѣе мрачнаго времени. Даже въ физическомъ отношеніи. Дождь лилъ весь день, и это былъ самый холодный ч мрачный дождь, какой-то даже

грозный дождь, я это помню, съ явной враждебностью къ людямъ, а тутъ вдругъ, въ одиннадцатомъ часу, пересталъ, и началась страшная сырость, сырѣе и холоднѣе чѣмъ когда дождь шель, и ото всего шель какой-то паръ, отъ каждаго камня на улицѣ и изъ каждаго переулка, если заглянуть въ него въ самую глубь, подальше, съ улицы. Мнѣ вдругъ представилось, что если съ потухъ вездѣ газъ, то стало бы отраднѣе, а съ газомъ грустиѣе сердцу, потому что онъ все это освѣщаетъ. Я въ этотъ день почти не обѣдалъ и съ ранняго вечера просидѣлъ у одного инженера, а у него сидѣли еще двое пріятелей. Я все молчалъ и, кажется, имъ надоѣлъ. Они говорили объ чемъ-то вызывающемъ и вдругъ даже разгорячились. Но имъ было все равно, я это видѣлъ, и они горячились только такъ. Я имъ вдругъ и высказалъ это: „Господа, вѣдь вамъ, говорю, все равно“. Они не обидѣлись, а всѣ надо мной засмѣялись. Это оттого, что я сказалъ безъ всякаго упрека, и просто потому, что мнѣ было все равно. Они и увидѣли, что мнѣ все равно, и имъ стало весело.

Когда я на улицѣ подумалъ про газъ, то взглянулъ на небо. Небо было ужасно темное, но явно можно было различить разорванныя облака, а между ними бездонныя черныя пятна. Вдругъ я замѣтилъ въ одномъ изъ этихъ пятенъ звѣздочку и сталъ пристально глядѣть на нее. Это потому, что эта звѣздочка дала мнѣ мысль: я положилъ въ эту ночь убить себя. У меня это было твердо положено еще два мѣсяца назадъ и какъ я ни бѣденъ, а купилъ прекрасный револьверъ и въ тотъ же день зарядилъ его. Но прошло уже два мѣсяца, а онъ все лежалъ въ ящикѣ; но мнѣ было до того все равно, что захотѣлось наконецъ улучшить минуту, когда будетъ не такъ все равно, для чего такъ—не знаю. И такимъ образомъ, въ эти два мѣсяца я каждую ночь, возвращаясь домой, думалъ, что застрѣлюсь. Я все ждалъ минуты. И вотъ теперь эта звѣздочка дала мнѣ мысль, и я положилъ, что это будетъ *непретменно* уже въ эту ночь. А почему звѣздочка дала мысль—не знаю.

И вотъ, когда я смотрѣлъ на небо, меня вдругъ схватила за локоть эта дѣвочка. Улица уже была пуста и никого почти не было. Вдали спалъ на дрожжахъ извозчикъ. Дѣвочка была лѣтъ восьми, въ платочкѣ и въ одномъ платьишкѣ, вся мокрая, но я запомнилъ особенно ея мокрые разорванныя башмаки, и теперь помню. Они мнѣ

особенно мелькнули въ глаза. Она вдругъ стала дергать меня за локоть и звать. Она не плакала, но какъ-то отрывисто выкрикивала какія-то слова, которыя не могла хорошо выговорить, потому что вся дрожала мелкой дрожью въ ознобѣ. Она была отъ чего-то въ ужасѣ и кричала отчаянно: „мамочка! мамочка!“ Я обернулъ было къ ней лицо, но не сказалъ ни слова и продолжалъ идти, но она бѣжала и дергала меня и въ голосѣ ея прозвучалъ тотъ звукъ, который у очень испуганныхъ дѣтей означаетъ отчаяніе. Я знаю этотъ звукъ. Хотя она и не договаривала слова, но я понялъ, что ея мать гдѣ-то умираетъ, или что-то тамъ съ ними случилось и она выбѣжала позвать кого-то, найти что-то, чтобъ помочь мамѣ. Но я не пошелъ за ней и, напротивъ, у меня явилась вдругъ мысль прогнать ее. Я сначала ей сказалъ, чтобъ она отыскала городского. Но она вдругъ сложила ручки и, всхлипывая, задыхаясь, все бѣжала сбоку и не покидала меня. Вотъ тогда-то я топнулъ на нее и крикнулъ. Она прокричала лишь: „баринъ, баринъ!..“ но вдругъ бросила меня и стремглавъ перебѣжала улицу: тамъ показался тоже какой-то прохожій и она, видно, бросилась отъ меня къ нему.

Я поднялся въ мой пятый этажъ. Я живу отъ хозяевъ и у насъ номера. Комната у меня бѣдная и маленькая, а окно чердачное, полукруглое. У меня клеенчатый диванъ, столикъ, на которомъ книги, два стула и покойное кресло, старое — престарое, но зато вольтеровское. Я сѣлъ, зажегъ свѣчку и сталъ думать. Рядомъ, въ другой комнатѣ, за перегородкой, продолжался содомъ. Онъ шелъ у нихъ еще съ третьяго дня. Тамъ жилъ отставной капитанъ, а у него были гости — человекъ шесть стрюпкихъ, пили водку и играли въ штосъ старыми картами. Въ прошлую ночь была драка и я знаю, что двое изъ нихъ долго таскали другъ друга за волосы. Хозяйка хотѣла жаловаться, но она боится капитана ужасно. Прочихъ жильцовъ у насъ въ номерахъ всего одна маленькая ростомъ и худенькая дама, изъ полковыхъ, пріѣзжая, съ тремя маленькими и заболѣвшими уже у насъ въ номерахъ дѣтьми. И она, и дѣти боятся капитана до обмороку и всю ночь трясутся и крестятся, а съ самымъ маленькимъ ребенкомъ былъ отъ страха какой-то припадокъ. Этотъ капитанъ, я навѣрно знаю, останавливаетъ иной разъ прохожихъ на Невскомъ и проситъ на бѣдность. На

службу его не принимаютъ, но, странное дѣло (я вѣдь къ тому и рассказываю это), капитанъ во весь мѣсяцъ, съ тѣхъ поръ какъ живеть у насъ, не возбудилъ во мнѣ никакой досады. Отъ знакомства я, конечно, уклонился съ самаго начала, да ему и самому скучно со мной стало съ перваго же разу, но сколько бы они ни кричали за своей перегородкой и сколько бы ихъ тамъ ни было — мнѣ всегда все равно. Я сижу всю ночь и, право, ихъ не слышу, — до того о нихъ забываю. Я вѣдь каждую ночь не сплю до самаго разсвѣта и вотъ уже такъ годъ. Я просиживаю всю ночь у стола въ креслахъ и ничего не дѣлаю. Книги читаю я только днемъ. Сижу и даже не думаю, а такъ, какія-то мысли бродятъ, а я ихъ пускаю на волю. Свѣчка сгораетъ въ ночь вся. Я сѣлъ у стола тихо, вынулъ револьверъ и положилъ передъ собою. Когда я его положилъ, то, помню, спросилъ себя: „такъ ли?“ и совершенно утвердительно отвѣтилъ себѣ: „такъ“. То-есть застрѣлюсь. Я зналъ, что ужъ въ эту ночь застрѣлюсь навѣрно, но сколько еще просижу до тѣхъ поръ за столомъ—этого не зналъ. И ужъ, конечно бы, застрѣлился, если бъ не та дѣвочка.

II.

Видите ли: хотъ мнѣ и было все равно, но вѣдь боль-то я, напримѣръ, чувствовалъ. Ударъ меня кто и я бы почувствовалъ боль. Такъ точно и въ нравственномъ отношеніи: случись что-нибудь очень жалкое, то почувствовалъ бы жалость, такъ же какъ и тогда, когда мнѣ было еще въ жизни не все равно. Я и почувствовалъ жалость давеча: ужъ ребенку-то я бы непременно помогъ. Почему жъ я не помогъ дѣвочкѣ? А изъ одной явившейся тогда идеи: когда она дергала и звала меня, то вдругъ возникъ тогда передо мной вопросъ и я не могъ разрѣшить его. Вопросъ былъ праздный, но я разсердился. Разсердился вслѣдствіе того вывода, что если я уже рѣшилъ, что въ нынѣшнюю ночь съ собой покончу, то, стало-быть, мнѣ все на свѣтѣ должно было стать теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, все равно. Отчего же я вдругъ почувствовалъ, что мнѣ не все равно и я жалѣю дѣвочку? Я помню, что я ее очень пожалѣлъ; до какой-то даже странной боли и совсѣмъ даже невѣроятной въ моемъ положеніи. Право, я не умѣю лучше передать этого тогдашняго моего мимолетнаго ощущенія, но ощущеніе продол-

жалось и дома, когда уже я засѣлъ за столомъ и я очень былъ раздраженъ, какъ давно уже не былъ. Разсужденіе текло за разсужденіемъ. Представлялось яснымъ, что если я человекъ, и еще не нуль, и пока не обратился въ нуль, то живу, а слѣдственно могу страдать, сердиться и ощущать стыдъ за свои поступки. Пусть. Но вѣдь если я убью себя, напримѣръ, черезъ два часа, то чтó мнѣ дѣвочка и какое мнѣ тогда дѣло и до стыда, и до всего на свѣтѣ? Я обращаюсь въ нуль, въ нуль абсолютный. И неужели сознаніе о томъ, что я сейчасъ *совершенно* не буду существовать, а, стало-быть, и ничто не будетъ существовать, не могло имѣть ни малѣйшаго вліянія ни на чувство жалости къ дѣвочкѣ, ни на чувство стыда послѣ сдѣланной подлости? Вѣдь я потому-то и затопалъ и закричалъ дикимъ голосомъ на несчастнаго ребенка, что, дескать, не только — вотъ не чувствую жалости, но если и безчеловѣчную подлость сдѣлаю, то теперь могу, потому что черезъ два часа все угаснетъ. Вѣрите ли, что потому закричалъ. Я теперь почти убѣжденъ въ этомъ. Яснымъ представлялось, что жизнь и міръ теперь какъ бы отъ меня зависятъ. Можно сказать даже такъ, что міръ теперь какъ бы для меня одного и сдѣланъ: застрѣлюсь я и міра не будетъ, по крайней мѣрѣ, для меня. Не говоря уже о томъ, что, можетъ-быть, и дѣйствительно ни для кого ничего не будетъ послѣ меня, и весь міръ, только лишь угаснетъ мое сознаніе, угаснетъ тотчасъ какъ призракъ, какъ принадлежность лишь одного моего сознанія, и упразднится, ибо, можетъ-быть, весь этотъ міръ и всѣ эти люди — я-то самъ одинъ и есть. Помню, что сидя и разсуждая, я обертывалъ всѣ эти новые вопросы, тѣснившіеся одинъ за другимъ, совсѣмъ даже въ другую сторону и выдумывалъ совсѣмъ ужъ новое. Напримѣръ, мнѣ вдругъ представилось одно странное соображеніе, что если бъ я жилъ прежде на лунѣ, или на Марсѣ, и сдѣлалъ бы тамъ какой-нибудь самый срамный и безчестный поступокъ, какой только можно себѣ представить, и былъ тамъ за него поруганъ и обезчещенъ такъ, какъ только можно ощутить и представить лишь развѣ иногда во снѣ, въ кошмарѣ, и если бъ, очутившись потомъ на землѣ, я продолжалъ бы сохранять сознаніе о томъ, чтó сдѣлалъ на другой планетѣ, и кромѣ того зналъ бы, что уже туда ни за чтó и никогда не возвращусь, то, смотря съ земли на луну,—было бы мнѣ *все равно* или нѣтъ? Ощущалъ ли

бы я за тотъ поступокъ стыдъ или нѣтъ? Вопросы были праздные и лишніе, такъ какъ револьверъ лежалъ уже передо мною, и я всёмъ существомъ моимъ зналъ, что *это* будетъ навѣрно, но они горячили меня и я бѣсился. Я какъ бы уже не могъ умереть теперь, чего-то не разрѣшивъ предварительно. Однимъ словомъ, эта дѣвочка спасла меня, потому что я вопросами отдалилъ выстрѣль. У капитана же между тѣмъ стало тоже все утихать: они кончили въ карты, устраивались спать, а пока ворчали и лѣниво доругивались. Вотъ тутъ-то я вдругъ и заснулъ, чего никогда со мной не случалось прежде, за столомъ въ креслахъ. Я заснулъ совершенно мнѣ непримѣтно. Сны, какъ извѣстно, чрезвычайно странная вещь: одно представляется съ ужасающею ясностью, съ ювелирски-мелочною отдѣлкой подробностей, а черезъ другое перескакиваешь, какъ бы не замѣчая вовсе, напримѣръ, черезъ пространство и время. Сны, кажется, стремить не разсудокъ, а желаніе, не голова, а сердце, а между тѣмъ какія хитрѣйшія вещи продѣлывалъ иногда мой разсудокъ во снѣ! Между тѣмъ, съ нимъ происходятъ во снѣ вещи совсѣмъ непостижимыя. Мой братъ, напримѣръ, умеръ пять лѣтъ назадъ. Я иногда его вижу во снѣ: онъ принимаетъ участіе въ моихъ дѣлахъ, мы очень заинтересованы, а между тѣмъ я вѣдь вполне, во все продолженіе сна, знаю и помню, что братъ мой померъ и схороненъ. Какъ же я не дивлюсь тому, что онъ, хоть и мертвый, а все-таки тутъ, подлѣ меня и со мной хлопочетъ? Почему разумъ мой совершенно допускаетъ все это? Но, довольно. Приступаю ко сну моему. Да, мнѣ приснился тогда этотъ сонъ, мой сонъ третьяго ноября! Они дразнятъ меня теперь тѣмъ, что вѣдь это былъ только сонъ. Но неужели не все равно сонъ или нѣтъ, если сонъ этотъ возвѣстилъ мнѣ истину? Вѣдь если разъ узналъ истину и увидѣлъ ее, то вѣдь знаешь, что она истина и другой нѣтъ и не можетъ быть, спите вы или живете. Ну, и пусть сонъ, и пусть, но эту жизнь, которую вы такъ превозносите, я хотѣлъ погасить самоубійствомъ, а сонъ мой, сонъ мой, — о, онъ возвѣстилъ мнѣ новую, великую, обновленную, сильную жизнь!

Слушайте.

III.

Я сказалъ, что заснулъ незамѣтно, и даже какъ бы продолжая разсуждать о тѣхъ же матеріяхъ. Вдругъ, при-

снилось мнѣ, что я беру револьверъ, и, сидя, наставляю его прямо въ сердце,—въ сердце, а не въ голову; я же положилъ прежде непременно застрѣлиться въ голову и именно въ правый високъ. Наставивъ въ грудь, я подождать секунду или двѣ, и свѣчка моя, столъ и стѣна передо мною вдругъ задвигались и заколыхались. Я поскорѣе выстрѣлилъ.

Во снѣ вы падаете иногда съ высоты, или рѣжутъ васъ, или бьютъ, но вы никогда не чувствуете боли, кромѣ развѣ если сами какъ-нибудь дѣйствительно ушибетесь въ кровати: тутъ вы почувствуете боль и всегда почти отъ боли проснетесь. Такъ и во снѣ моемъ: боли я не чувствовалъ, но мнѣ представилось, что съ выстрѣломъ моимъ все во мнѣ сотряслось и все вдругъ потухло и стало кругомъ меня ужасно черно. Я какъ будто ослѣпъ и онѣмѣлъ, и вотъ я лежу на чемъ-то твердомъ, протянутый, навзничъ, ничего не вижу и не могу сдѣлать ни малѣйшаго движенія. Кругомъ ходятъ и кричатъ, баситъ капитанъ, визжитъ хозяйка, — и вдругъ опять перерывъ, и вотъ уже меня несутъ въ закрытомъ гробѣ. И я чувствую какъ колыхается гробъ, и разсуждаю объ этомъ, и вдругъ меня въ первый разъ поражаетъ идея, что вѣдь я умеръ, совсѣмъ умеръ, знаю это и не сомнѣваюсь, не вижу и не движусь, а между тѣмъ чувствую и разсуждаю. Но я скоро мирюсь съ этимъ и, по обыкновенію, какъ во снѣ, принимаю дѣйствительность безъ спору.

И вотъ меня зарываютъ въ землю. Всѣ уходятъ, я одинъ, совершенно одинъ. Я не движусь. Всегда, когда я прежде на яву представлялъ себѣ какъ меня похоронятъ въ могилѣ, то собственно съ могилой соединялъ лишь одно ощущеніе сырости и холода. Такъ и теперь, я почувствовалъ, что мнѣ очень холодно, особенно концамъ пальцевъ на ногахъ, но больше ничего не чувствовалъ.

Я лежалъ и, странно, — ничего не ждалъ, безъ спору принимая, что мертвому ждать нечего. Но было сыро. Не знаю, сколько прошло времени,—часъ или нѣсколько дней, или много дней. Но вотъ вдругъ, на лѣвый закрытый глазъ мой упала просочившаяся черезъ крышу гроба капля воды, за ней черезъ минуту другая, затѣмъ черезъ минуту третья, и такъ далѣе, и такъ далѣе, все черезъ минуту. Глубокое негодованіе загорѣлось вдругъ въ сердцѣ моемъ, и вдругъ я почувствовалъ въ немъ фи-

зическую боль: „Это рана моя“, подумалъ я, „это выстрѣлъ, тамъ пуля“... А капля все капала каждую минуту и прямо на закрытый мой глазъ. И я вдругъ воззвалъ, не голосомъ, ибо былъ недвижимъ, но всѣмъ существомъ моимъ къ властителю всего того, что совершалось со мною:

— Кто бы ты ни былъ, но если ты есть, и если существуетъ что-нибудь разумнѣе того, что теперь совершается, то дозвожь ему быть и здѣсь. Если же ты мстишь мнѣ за неразумное самоубійство мое—безобразіемъ и нелѣпностью дальнѣйшаго бытія, то знай, что никогда и никакому мученію, какое бы ни постигло меня, не сравниться съ тѣмъ презрѣніемъ, которое я буду молча ощущать, хотя бы въ продолженіе милліоновъ лѣтъ мученичества!..

Я воззвалъ и смолкъ. Цѣлую почти минуту продолжалось глубокое молчаніе и даже еще одна капля упала, но я зналъ, я безпредѣльно и нерушимо зналъ и вѣрилъ, что непремѣнно сейчасъ все измѣнится. И вотъ, вдругъ, разверзлась могила моя. То-есть я не знаю, была ли она раскрыта и раскопана, но я былъ взятъ какимъ-то темнымъ и неизвѣстнымъ мнѣ существомъ и мы очутились въ пространствѣ. Я вдругъ прозрѣлъ: Была глубокая ночь и никогда, никогда еще не было такой темноты! Мы неслись въ пространствѣ уже далеко отъ земли. Я не спрашивалъ того, который несъ меня, ни о чемъ, я ждалъ и былъ гордъ. Я увѣрялъ себя, что не боюсь, и замиралъ отъ восхищенія при мысли, что не боюсь. Я не помню, сколько времени мы неслись и не могу представить: совершалось все такъ, какъ всегда во снѣ, когда перескакиваешь черезъ пространство и время и черезъ законы бытія и разсудка, и останавливаешься лишь на точкахъ, о которыхъ грезить сердце. Я помню, что вдругъ увидалъ въ темнотѣ одну звѣздочку. „Это Сириусъ?“ спросилъ я, вдругъ не удержавшись, ибо я не хотѣлъ ни о чемъ спрашивать.— „Нѣтъ, это та самая звѣзда, которую ты видѣлъ между облаками, возвращаясь домой“, отвѣчало мнѣ существо, уносившее меня. Я зналъ, что оно имѣло какъ бы ликъ человѣческой. Странное дѣло, я не любилъ это существо, даже чувствовалъ глубокое отвращеніе. Я ждалъ совершеннаго небытія и съ тѣмъ выстрѣлилъ себя въ сердце. И вотъ я въ рукахъ существа, конечно, не человеческого, но которое *есть*, существуетъ: „А, стало-быть, есть и за

гробомъ жизнь!“ подумаль я съ страннымъ легкомысліемъ сна, но сущность сердца моего оставалась со мною во всей глубинѣ: „И если надо *быть* снова“, подумаль я, „и жить опять по чьей-то неустрашимой волѣ, то не хочу, чтобъ меня побѣдили и унизили!“ — „Ты знаешь, что я боюсь тебя и за то презираешь меня“, сказалъ я вдругъ моему спутнику, не удержавшись отъ унижительнаго вопроса, въ которомъ заключалось признаніе, и ощутивъ, какъ уколъ булавки, въ сердцѣ моемъ униженіе мое. Онъ не отвѣтилъ на вопросъ мой, но я вдругъ почувствовалъ, что меня не презирають, и надо мной не смѣются, и даже не сожалѣють меня, и что путь нашъ имѣетъ цѣль, неизвѣстную и таинственную, и касающуюся одного меня. Страхъ нарасталъ въ моемъ сердцѣ. Что-то нѣмо, но съ мученіемъ сообщалось мнѣ отъ моего молчаливаго спутника и какъ бы проницало меня. Мы неслись въ темныхъ и невѣдомыхъ пространствахъ. Я давно уже пересталъ видѣть знакомыя глазу созвѣздія. Я зналъ, что есть такія звѣзды въ небесныхъ пространствахъ, отъ которыхъ лучи доходятъ на землю лишь въ тысячи и миллионы лѣтъ. Можетъ-быть, мы уже пролетали эти пространства. Я ждалъ чего-то въ страшной измучившей мое сердце тоскѣ. И вдругъ какое-то знакомое и въ высшей степени зовущее чувство сотрясло меня; я увидѣлъ вдругъ наше солнце! Я зналъ, что это не могло быть *наше* солнце, породившее *нашу* землю, и что мы отъ нашего солнца на безконечномъ разстояніи, но я узналъ почему-то, всѣмъ существомъ моимъ, что это совершенно такое же солнце, какъ и наше, повтореніе его и двойникъ его. Сладкое, зовущее чувство зазвучало восторгомъ въ душѣ моей: родная сила свѣта, того же, который родилъ меня, отозвалась въ моемъ сердцѣ и воскресила его, и я ощутилъ жизнь, прежнюю жизнь, въ первый разъ послѣ моей могилы.

— „Но если это—солнце, если это совершенно такое же солнце, какъ наше, вскричалъ я,—то гдѣ же земля?“ И мой спутникъ указалъ мнѣ на звѣздочку, сверкающую въ темнотѣ изумруднымъ блескомъ. Мы неслись прямо къ ней.

— И неужели возможны такія повторенія во вселенной, неужели таковъ природный законъ?.. И если это тамъ земля, то неужели она такая же земля, какъ и наша... совершенно такая же, несчастная, бѣдная, но дорогая и вѣчно любимая, и такую же, мучительную любовь рождаю-

щая къ себѣ въ самыхъ неблагоприятныхъ даже дѣтяхъ своихъ, какъ и наша?.. вскрикивалъ я, сотрясаясь отъ неуправимой, восторженной любви къ той родной прежней землѣ, которую я покинулъ. Образъ бѣдной дѣвочки, которую я обидѣлъ, промелькнулъ передо мною.

— Увидишь все, отвѣтилъ мой спутникъ, и какая-то печаль послышалась въ его словѣ. Но мы быстро приближались къ планетѣ. Она росла въ глазахъ моихъ, я уже различалъ океанъ, очертанія Европы, и вдругъ странное чувство какой-то великой, святой ревности возгорѣлось въ сердцѣ моемъ: „какъ можетъ быть подобное повтореніе и для чего? Я люблю, я могу любить лишь ту землю, которую я оставилъ, на которой остались брызги крови моей, когда я, неблагодарный, выстрѣломъ въ сердце мое погасилъ мою жизнь. Но никогда, никогда не переставалъ я любить ту землю, и даже въ ту ночь, разставаясь съ ней, я, можетъ-быть, любилъ ее мучительнѣе чѣмъ когда-либо. Есть ли мученіе на этой новой землѣ? На нашей землѣ мы истинно можемъ любить лишь съ мученіемъ и только черезъ мученіе! Мы иначе не умѣемъ любить и не знаемъ иной любви. Я хочу мученія, чтобъ любить. Я хочу, я жажду, въ сію минуту, цѣловать, обливаясь слезамя, лишь одну ту землю, которую я оставилъ, и не хочу, не принимаю жизни ни на какой иной!..

Но спутникъ мой уже оставилъ меня. Я вдругъ, совсѣмъ какъ бы для меня незамѣтно, сталъ на этой другой землѣ въ яркомъ свѣтѣ солнечнаго, прелестнаго какъ рай дня. Я стоялъ, кажется, на одномъ изъ тѣхъ острововъ, которые составляютъ на нашей землѣ Греческій архипелагъ, или гдѣ-нибудь на побережьи материка, прилегающаго къ этому архипелагу. О, все было точно такъ же, какъ у насъ, но, казалось, всюду сіяло какимъ-то праздникомъ и великимъ, святымъ и достигнутымъ, наконецъ, торжествомъ. Ласковое изумрудное море тихо плескало о берега и лобызало ихъ съ любовью, явной, видимой, почти сознательной. Высокія, прекрасныя деревья стояли во всей роскоши своего цвѣта, а безчисленные листочки ихъ, я убѣжденъ въ томъ, привѣтствовали меня тихимъ, ласковымъ своимъ шумомъ, и какъ бы выговаривали какія-то слова любви. Мурава горѣла яркими ароматными цвѣтами. Птички стадами перелетали въ воздухъ, и, не боясь меня, садились мнѣ на плечи и на руки и радостно били меня своими милыми, трепетными крылышками. И, нако-

пецъ, я увидѣлъ и узналъ людей счастливой земли этой. Они пришли ко мнѣ сами, они окружили меня, цѣловали меня. Дѣти солнца, дѣти своего солнца, — о, какъ они были прекрасны! Никогда я не видывалъ на нашей землѣ такой красоты въ человѣкѣ. Развѣ лишь въ дѣтихъ нашихъ, въ самые первые годы ихъ возраста, можно бы было пайти отдаленный, хотя и слабый отблескъ красоты этой. Глаза этихъ счастливыхъ людей сверкали яснымъ блескомъ. Лица ихъ сіяли разумомъ и какимъ-то восполнившимся уже до спокойствія сознаниемъ, но лица эти были веселы; въ словахъ и голосахъ этихъ людей звучала дѣтская радость. О, я тотчасъ же, при первомъ взглядѣ на ихъ лица, понялъ все, все! Это была земля не оскверненная грѣхопадениемъ, на ней жили люди не согрѣшившіе, жили въ такомъ же раю, въ какомъ жили, по преданіямъ всего человѣчества, и наши согрѣшившіе прародители, съ тою только разницею, что вся земля здѣсь была повсюду однимъ и тѣмъ же раемъ. Эти люди, радостно смѣясь, тѣснились ко мнѣ и ласкали меня; они увели меня къ себѣ и всякому изъ нихъ хотѣлось успокоить меня. О, они не спрашивали меня ни о чемъ, но какъ бы все уже знали, такъ мнѣ казалось, и имъ хотѣлось согнать поскорѣе страданіе съ лица моего.

IV.

Видите ли что, опять-таки: Ну, пусть это былъ только сонъ! Но ощущеніе любви этихъ невинныхъ и прекрасныхъ людей осталось во мнѣ навѣки, и я чувствую, что ихъ любовь изливается на меня и теперь оттуда. Я видѣлъ ихъ самъ, ихъ позналъ и убѣдился, я любилъ ихъ, я страдалъ за нихъ потомъ. О, я тотчасъ же понялъ, даже тогда, что во многомъ не пойму ихъ вовсе; мнѣ, какъ современному русскому прогрессисту и гнусному петербуржцу, казалось неразрѣшимымъ то, напримѣръ, что они, зная столь много, не имѣютъ нашей науки. Но я скоро понялъ, что знаніе ихъ восполнялось и питалось иными проникновеніями, чѣмъ у насъ на землѣ, и что стремленія ихъ были тоже совсѣмъ иныя. Они не желали ничего и были спокойны, они не стремились къ познанію жизни такъ, какъ мы стремимся сознать ее, потому что жизнь ихъ была восполнена. Но знаніе ихъ было глубже и высшее, чѣмъ у нашей науки; ибо наука наша ищетъ объяснить что такое жизнь, сама стремится сознать ее, чтобъ

научить другихъ жить; они же и безъ науки знали, какъ имъ жить, и это я понялъ, но я не могъ понять ихъ знанія. Они указывали мнѣ на деревья свои, и я не могъ понять той степени любви, съ которою они смотрѣли на нихъ: точно они говорили о себѣ подобными существами. И знаете, можетъ быть, я не ошибусь, если скажу, что они говорили съ ними! Да, они нашли ихъ языкъ и убѣжденъ, что тѣ понимали ихъ. Такъ смотрѣли они и на всю природу, — на животныхъ, которыя жили съ ними мирно, не нападали на нихъ и любили ихъ, побѣжденные ихъ же любовью. Они указывали мнѣ на звѣзды и говорили о нихъ со мною о чемъ-то, чего я не могъ понять, но я убѣжденъ, что они какъ бы чѣмъ-то соприкасались съ небесными звѣздами, не мыслю только, а какимъ-то живымъ путемъ. О, эти люди и не добивались, чтобъ я понималъ ихъ, они любили меня и безъ того, но зато я зналъ, что они никогда не поймутъ меня, а потому почти и не говорилъ имъ о нашей землѣ. Я лишь цѣловалъ при нихъ ту землю, на которой они жили, и безъ словъ обожалъ ихъ самихъ, и они видѣли это и давали себя обожать, не стыдясь, что я ихъ обожаю потому, что много любили сами. Они не страдали за меня, когда я, въ слезахъ, порою цѣловалъ ихъ ноги, радостно зная въ сердцѣ своемъ, какой силою любви они мнѣ отвѣтятъ. Порою я спрашивалъ себя въ удивленіи: какъ могли они, все время, не оскорбить такого какъ я, и ни разу не возбудить въ такомъ какъ я чувства ревности и зависти? Много разъ я спрашивалъ себя, какъ могъ я, хвастунъ и лжець, не говорить имъ о моихъ познаніяхъ, о которыхъ, конечно, они не имѣли понятія, не желать удивить ихъ ими, или хотя бы только изъ любви къ нимъ? — Они были рѣзвы и веселы какъ дѣти. Они блуждали по своимъ прекраснымъ роццамъ и лѣсамъ, они пѣли свои прекрасныя пѣсни, они питались легкою пищею, плодами своихъ деревьевъ, медомъ лѣсовъ своихъ, и молокомъ ихъ любившихъ животныхъ. Для пици и для одежды своей они трудились лишь немного и слегка. У нихъ была любовь и рождались дѣти, но никогда я не замѣчалъ въ нихъ порывовъ того *жесточаго* сладострастія, которое постигаетъ почти всѣхъ на нашей землѣ, всѣхъ и всякаго, служить единственнымъ источникомъ почти всѣхъ грѣховъ нашего человечества. Они радовались являвшимся у нихъ дѣтямъ какъ новымъ участникамъ въ ихъ блаженствѣ. Между ними

не было ссоръ и не было ревности, и они не понимали даже, что это значить. Ихъ дѣти были дѣтьми всѣхъ, потому что всѣ составляли одну семью. У нихъ почти совсѣмъ не было болѣзней, хотъ и была смерть; но старики ихъ умирали тихо, какъ бы засыпая, окруженные прощавшимися съ ними людьми, благословляя ихъ, улыбаясь имъ и сами напутствуемые ихъ свѣтлыми улыбками. Скорби, слезъ при этомъ я не видалъ, а была лишь умножившаяся какъ бы до восторга любовь, но до восторга спокойнаго, восполнившася, созерцательнаго.—Подумать можно было, что они соприкасались еще съ умершими своими даже и послѣ ихъ смерти и что земное единеніе между ними не прерывалось смертію. Они почти не понимали меня, когда я спрашивалъ ихъ про вѣчную жизнь, но видимо были въ ней до того убѣждены безотчетно, что это не составляло для нихъ вопроса. У нихъ не было храмовъ, но у нихъ было какое-то насущное, живое и непрерывное единеніе съ Цѣлымъ вселенной; у нихъ не было вѣры, зато было твердое знаніе, что когда восполнится ихъ земная радость до предѣловъ природы земной, тогда наступитъ для нихъ, и для живущихъ, и для умершихъ, еще большее расширеніе соприкосновенія съ Цѣлымъ вселенной. Они ждали этого мгновенія съ радостію, но не торопясь, не страдая по немъ, а какъ бы уже имѣя его въ предчувствіяхъ сердца своего, о которыхъ они общались другъ другу. По вечерамъ, отходя ко сну, они любили составлять согласные и стройные хоры. Въ этихъ пѣсняхъ они передавали всѣ свои ощущенія, которыя доставлялъ имъ отходящій день, славили его и прощались съ нимъ. Они славили природу, землю, море, лѣса. Они любили слагать пѣсни другъ о другѣ, и хвалили другъ друга какъ дѣти; это были самыя простыя пѣсни, но онѣ выливались изъ сердца и проникали сердца. Да и не въ пѣсняхъ однѣхъ, а, казалось, и всю жизнь свою они проводили лишь въ томъ, что любовались другъ другомъ. Это была какая-то влюбленность другъ въ друга, всецѣлая, всеобщая. Иныхъ же ихъ пѣсень, торжественныхъ и восторженныхъ, я почти не понималъ вовсе. Понимая слова, я никогда не могъ проникнуть во все ихъ значеніе. Оно оставалось какъ бы недоступно моему уму, зато сердце мое какъ бы проникалось имъ безотчетно и все болѣе и болѣе. Я часто говорилъ имъ, что я все это давно уже прежде предчувствовалъ, что вся эта радость

и слава сказывалась мнѣ еще на нашей землѣ зовущею тоскою, доходившею подчасъ до нестерпимой скорби; что я предчувствовалъ всѣхъ ихъ и славу ихъ въ снахъ моего сердца и въ мечтахъ ума моего, что я часто не могъ смотрѣть, на землѣ нашей, на заходящее солнце безъ слезъ... Что въ ненависти моей къ людямъ нашей земли заключалась всегда тоска: зачѣмъ я не могу ненавидѣть ихъ не любя ихъ, зачѣмъ не могу не прощать ихъ, а въ любви моей къ нимъ тоска: зачѣмъ не могу любить ихъ ненавидя ихъ? Они слушали меня и я видѣлъ, что они не могли представить себѣ то, что я говорю, но я не жалѣлъ, что имъ говорилъ о томъ: я зналъ, что они понимаютъ всю силу тоски моей о тѣхъ, кого я покинулъ. Да, когда они глядѣли на меня своимъ милымъ проникнутымъ любовью взглядомъ, когда я чувствовалъ, что при нихъ и мое сердце становилось столь же невиннымъ и правдивымъ, какъ и ихъ сердца, то и не жалѣлъ, что не понимаю ихъ. Отъ ощущенія полноты жизни мнѣ захватывало духъ и я молча молился на нихъ.

О, всѣ теперь смѣются мнѣ въ глаза и увѣряютъ меня, что и во снѣ нельзя видѣть такія подробности, какія я передаю теперь, что во снѣ моемъ я видѣлъ или прочувствовалъ лишь одно ощущеніе, порожденное моимъ же сердцемъ въ бреду, а подробности уже самъ сочинилъ проснувшись. И когда я открылъ имъ, что, можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ такъ было—Боже, какой смѣхъ они подняли мнѣ въ глаза и какое я имъ доставилъ веселье! О, да, конечно, я былъ побѣжденъ лишь однимъ ощущеніемъ того сна, и оно только одно уцѣлѣло въ до крови раненомъ сердцѣ моемъ: но зато дѣйствительные образы и формы сна моего, т.-е. тѣ, которыя я въ самомъ дѣлѣ видѣлъ въ самый часъ моего сновидѣнія, были восполнены до такой гармоніи, были до того обаятельны и прекрасны, и до того были истинны, что, проснувшись, я, конечно, не въ силахъ былъ воплотить ихъ въ слабыя слова наши, такъ что они должны были какъ бы ступеваться въ умъ моемъ, а, стало-быть, и дѣйствительно, можетъ-быть, я самъ, бессознательно, принужденъ былъ сочинить потомъ подробности и ужъ, конечно, искаживъ ихъ, особенно при такомъ страстномъ желаніи моемъ поскорѣе и хоть сколько-нибудь ихъ передать. Но зато какъ же мнѣ не вѣрить, что все это было? Было, можетъ-быть, въ тысячу разъ лучше, свѣтлѣе и радостнѣе, чѣмъ

я рассказываю? Пусть это сонъ, но все это не могло не быть. Знаете ли, я скажу вамъ секретъ: все это, быть-можетъ, было вовсе не сонъ! Ибо тутъ случилось нѣчто такое, нѣчто до такого ужаса истинное, что это не могло бы пригрезиться во снѣ. Пусть сонъ мой породило сердце мое, но развѣ одно сердце мое въ силахъ было породить ту ужасную правду, которая потомъ случилась со мной? Какъ бы могъ я ее одинъ выдумать или пригрезить сердцемъ? Неужели же мелкое сердце мое и капризный, ничтожный умъ мой могли возвыситься до такого откровения правды! О, судите сами: я до сихъ поръ скрывалъ, но теперь доскажу и эту правду. Дѣло въ томъ, что я... развратилъ ихъ всѣхъ!

V.

Да, да, кончилось тѣмъ, что я развратилъ ихъ всѣхъ! Какъ это могло совершиться — не знаю, но помню ясно. Сонъ пролетѣлъ черезъ тысячелѣтїя, и оставилъ во мнѣ лишь ощущеніе цѣлаго. Знаю только, что причиною грѣхонападенія былъ я. Какъ скверная трихина, какъ атомъ чумы, заражающій цѣлыя государства, такъ и я заразилъ собой всю эту счастливую, безгрѣшную до меня землю. Они научились лгать и полюбили ложь и познали красоту лжи. О, это, можетъ-быть, началось *невинно*, съ шутки, съ кокетства, съ любовной игры, въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, съ атома, но этотъ атомъ лжи проникъ въ ихъ сердца и понравился имъ. Затѣмъ быстро родилось сладострастіе, сладострастіе породило ревность, ревность — жестокость... О, не знаю, не помню, но скоро, очень скоро брызнула первая кровь: они удивились и ужаснулись, и стали расходиться и разъединяться. Явились союзы, но уже другъ противъ друга. Начались укоры, упреки. Они узнали стыдъ и стыдъ возвели въ добродѣтель. Родилось понятіе о чести и въ каждомъ союзѣ поднялось свое знамя. Они стали мучить животныхъ и животныя удалились отъ нихъ въ лѣса и стали имъ врагами. Началась борьба за разъединеніе, за обособленіе, за личность, за мое и твое. Они стали говорить на разныхъ языкахъ. Они познали скорбь и полюбили скорбь, они жаждали мученія и говорили, что истина достигается лишь мученіемъ. Тогда у нихъ явилась наука. Когда они стали злы, то начали говорить о братствѣ и гуманности и поняли эти идеи. Когда они стали преступны, то изобрѣли

справедливость и предписали себѣ цѣлые кодексы, чтобъ сохранить ее, а для обезпеченія кодексовъ поставили гильотину. Они чуть-чуть лишь помнили о томъ, что потеряли, даже не хотѣли вѣрить тому, что были когда-то невинны и счастливы. Они смѣялись даже надъ возможностью этого прежняго ихъ счастья и называли его мечтой. Они не могли даже представить его себѣ въ формахъ и образахъ, но, странное и чудесное дѣло: утративъ всякую вѣру въ бывшее счастье, назвавъ его сказкой, они до того захотѣли быть невинными и счастливыми вновь, опять, что пали передъ желаніями сердца своего, какъ дѣти, обоготовили это желаніе, настроили храмовъ и стали молиться своей же идеѣ, своему же „желанію“, въ то же время вполне вѣруя въ неисполнимость и неосуществимость его, но со слезами обожая его и поклоняясь ему. И, однако, если бъ только могло такъ случиться, чтобы они возвратились въ то невинное и счастливое состояніе, которое они утратили, и если бъ кто вдругъ имъ показалъ его вновь и спросилъ ихъ: хотятъ ли они возвратиться къ нему?—то они навѣрно бы отказались. Они отвѣчали мнѣ: „пусть мы живы, злы и несправедливы, мы знаемъ это и плачемъ объ этомъ, и мучимъ себя за это сами, и истязаемъ себя и наказываемъ больше, чѣмъ даже, можетъ-быть, тотъ милосердый Судья, Который будетъ судить насъ и имени Котораго мы не знаемъ. Но у насъ есть наука и черезъ нее мы отыщемъ вновь истину, но примемъ ее уже сознательно. Знаніе выше чувства, сознаніе жизни — выше жизни. Наука дастъ намъ премудрость, премудрость откроетъ законы, а знаніе законовъ счастья—выше счастья“. Вотъ что говорили они, и послѣ словъ такихъ каждый возлюбилъ себя больше всѣхъ, да и не могли они иначе сдѣлать. Каждый сталъ столь ревнивъ къ своей личности, что изо всѣхъ силъ старался лишь унижить и умалить ее въ другихъ; и въ томъ жизнь свою полагалъ. Явилось рабство, явилось даже добровольное рабство: слабые подчинялись охотно сильнѣйшимъ, съ тѣмъ только, чтобъ тѣ помогали имъ давить еще слабѣйшихъ, чѣмъ они сами. Явились праведники, которые приходили къ этимъ людямъ со слезами и говорили имъ объ ихъ гордости, о потерѣ мѣры и гармоніи, объ утратѣ ими стыда. Надъ ними смѣялись или побивали ихъ камнями. Святая кровь лилась на порогахъ храмовъ. Зато стали появляться люди, кото-

рые начали придумывать: какъ бы всѣмъ вновь такъ соединиться, чтобы каждому, не переставая любить себя больше всѣхъ, въ то же время не мѣшать никому другому, и жить такимъ образомъ всѣмъ вмѣстѣ, какъ бы и въ согласномъ обществѣ. Цѣлыя войны поднялись изъ-за этой идеи. Всѣ воюющіе твердо вѣрили въ то же время, что наука, премудрость и чувство самосохраненія заставятъ, наконецъ, человѣка соединиться въ согласное и разумное общество, а потому пока, для ускоренія дѣла, „премудрые“ старались поскорѣе истребить всѣхъ „непремудрыхъ“ и не понимающихъ ихъ идею, чтобы они не мѣшали торжеству ея. Но чувство самосохраненія стало быстро ослабѣвать, явились гордецы и сладострастники, которые прямо потребовали всего или ничего. Для пріобрѣтенія всего прибѣгалось къ злодѣйству, а если оно не удавалось—къ самоубійству. Явились религіи съ культомъ небытія и саморазрушенія ради вѣчнаго успокоенія въ ничтожествѣ. Наконецъ, эти люди устали въ безсмысленномъ трудѣ и на ихъ лицахъ появилось страданіе, и эти люди провозгласили, что страданіе есть красота, ибо въ страданіи лишь мысль. Они воспѣли страданіе въ пѣсняхъ своихъ. Я ходилъ между ними ломая руки и плакалъ надъ ними, но любилъ ихъ, можетъ быть, еще больше, чѣмъ прежде, когда на лицахъ ихъ еще не было страданія и когда они были невинны и столь прекрасны. Я полюбилъ ихъ оскверненную ими землю еще больше, чѣмъ когда она была раемъ, за то лишь, что на ней явилось горе. Увы, я всегда любилъ горе и скорбь, но лишь для себя, для себя, а объ нихъ я плакалъ, жалѣя ихъ. Я простиралъ къ нимъ руки, въ отчаяніи обвиняя, проклиная и презирая себя. Я говорилъ имъ, что все это сдѣлалъ я, я одинъ; что это я имъ принесъ развратъ, заразу и ложь! Я умолялъ ихъ, чтобы они распяли меня на крестѣ, я училъ ихъ, какъ сдѣлать крестъ. Я не могъ, не въ силахъ былъ убить себя самъ, но я хотѣлъ принять отъ нихъ муки, я жаждалъ муки, жаждалъ, чтобы въ этихъ мукахъ пролита была моя кровь до капли. Но они лишь смѣялись надо мной и стали меня считать подъ конецъ за юродиваго. Они оправдывали меня, они говорили, что получили лишь то, чего сами желали, и что все то, что есть теперь, не могло не быть. Наконецъ, они объявили мнѣ, что я стану повлосью имъ опасенъ и что они посадятъ меня въ сума-

сшедшій домъ, если я не замолчу. Тогда скорбь вошла въ мою душу съ такою силой, что сердце мое стѣснилось и я почувствовалъ, что умру, и тутъ... ну, вотъ тутъ я и проснулся.

Было уже утро, т.-е. еще не разсвѣло, но было около шестого часу. Я очнулся въ тѣхъ же креслахъ, свѣчка моя догорѣла вся, у капитана спали и кругомъ была рѣдкая въ нашей квартирѣ тишина. Первымъ дѣломъ, я вскочилъ въ чрезвычайномъ удивленіи; никогда со мной не случалось ничего подобнаго, даже до пустяковъ и мелочей: никогда еще не засыпалъ я, напримѣръ, такъ въ моихъ креслахъ. Тутъ вдругъ, пока я стоялъ и приходилъ въ себя,—вдругъ мелькнулъ передо мной мой револьверъ, готовый, заряженный,—но я въ одинъ мигъ оттолкнулъ его отъ себя! О, теперь жизни и жизни! Я поднялъ руки и воззвалъ къ вѣчной истинѣ; не воззвалъ, а заплакалъ; восторгъ, неизмѣримый восторгъ поднималъ все существо мое. Да, жизнь, и—проповѣдь! О проповѣди я порѣшилъ въ ту же минуту, и ужъ, конечно, на всю жизнь! Я иду проповѣдывать, я хочу проповѣдывать,—что? Истину, ибо я видѣлъ ее, видѣлъ своими глазами, видѣлъ всю ея славу!

И вотъ съ тѣхъ поръ я и проповѣдую! Кромѣ того—люблю всѣхъ, которые надо мной смѣются больше всѣхъ остальныхъ. Почему это такъ,—не знаю и не могу объяснить, но пусть такъ и будетъ. Они говорятъ, что я ужъ и теперь сбиваюсь, т.-е. коль ужъ и теперь сбился такъ, что-же дальше-то будетъ? Правда истинная: я сбиваюсь и, можетъ быть, дальше пойдетъ еще хуже. И ужъ, конечно, собьюсь нѣсколько разъ, пока отыщу, какъ проповѣдывать, т.-е. какими словами и какими дѣлами, потому что это очень трудно исполнить. Я вѣдь и теперь все это какъ день вижу, но послушайте: кто же не сбивается! А между тѣмъ вѣдь всѣ идутъ къ одному и тому же, по крайней мѣрѣ всѣ стремятся къ одному и тому же, отъ мудреца до послѣдняго разбойника, только разными дорогами. Старая это истина, но вотъ что тутъ новое: я и сбиться-то очень не могу. Потому что я видѣлъ истину, я видѣлъ и знаю, что люди могутъ быть прекрасны и счастливы, не потерявъ способности жить на землѣ. Я не хочу и не могу вѣрить, чтобы зло было нормальнымъ состояніемъ людей. А вѣдь они всѣ только надъ этой

вѣрой-то моей и смѣются. Но какъ мнѣ не вѣровать: Я видѣлъ истину,—не то что изобрѣлъ умомъ, а видѣлъ, видѣлъ, и *живой образъ* ея наполнилъ душу мою навѣки. Я видѣлъ ее въ такой восполненной цѣлости, что не могу повѣрить, чтобы ея не могло быть у людей. И такъ какъ же я собьюсь? Уклонюсь, конечно, даже нѣсколько разъ, и буду говорить даже, можетъ быть, чужими словами, но не надолго: живой образъ того, что я видѣлъ, будетъ всегда со мной, и всегда меня поправить и направить. О, я бодръ, я свѣжъ, я иду, иду, и хоть бы на тысячу лѣтъ. Знаете, я хотѣлъ даже скрыть, вначалѣ, что я развратилъ ихъ всѣхъ, но это была ошибка,—вотъ уже первая ошибка! Но истина шепнула мнѣ, что я *му*, и охранила меня и направила. Но какъ устроить рай—я не знаю, потому что не умѣю передать словами. Послѣ сна моего потерялъ слова. По крайней мѣрѣ, всѣ главные слова, самыя нужныя. Но пусть; я пойду и все буду говорить, неустанно, потому что я все-таки видѣлъ во очію, хотя и не умѣю пересказать, что я видѣлъ. Но вотъ этого насмѣшники и не понимаютъ: „Сонъ, дескать, видѣлъ, бредъ, галлюцинацію“. Эхъ! Неужто это премудро? А они такъ гордятся. Сонъ? Что такое сонъ? А наша-то жизнь не сонъ? Больше скажу! Пусть, пусть, это никогда не сбудется и не бывать раю (вѣдь уже это-то я понимаю!)—ну, а я все-таки буду проповѣдывать. А между тѣмъ, такъ это просто: въ одинъ бы день, *съ одинъ бы часъ*—все бы сразу устроилось! Главное—люби другихъ какъ себя, вотъ что главное, и это все, больше ровно ничего не надо: тотчасъ найдешь, какъ устроиться. А между тѣмъ вѣдь это только—старая истина, которую билліонъ разъ повторяли и читали, да вѣдь не ужилась же! „Сознаніе жизни—выше жизни, знаніе законовъ счастья—выше счастья“—вотъ съ чѣмъ бороться надо! И буду. Если только всѣ захотятъ, то сейчасъ все устроится.

А ту маленькую дѣвочку я отыскалъ... И пойду! И пойду!

Освобожденіе подсудимой Корниловой.

22 апрѣля сего года, въ здѣшнемъ окружномъ судѣ вторично рѣшалось дѣло подсудимой Корниловой, съ новымъ составомъ суда и присяжныхъ засѣдателей. Прежній приговоръ суда, состоявшійся еще въ прошломъ году, былъ кассированъ сенатомъ за недостаточно произведен-

ной медицинской экспертизой. Можетъ быть, большинство моихъ читателей очень помнятъ объ этомъ дѣлѣ. Молодая мачиха (тогда еще несовершеннолѣтняя), въ беременномъ состояніи, въ злобѣ на мужа, попрекавшего ее прежней женой, и послѣ жестокой съ нимъ ссоры, выбросила свою шестилѣтнюю падчерицу, дочь своего мужа отъ прежней жены, изъ окошка изъ четвертаго этажа (5½ саж. высоты), при чемъ случилось почти чудо: ребенокъ не разбился, не сломалъ и не повредилъ себѣ ничего и скоро очнулся: теперь же живъ и здоровъ. Это звѣрское дѣйствіе молодой женщины сопровождалось такой безсмыслицей и загадочностью всѣхъ ея остальныхъ поступковъ, что само собою являлось соображеніе: въ здоровомъ ли умѣ она дѣйствовала? И не была ли она, напротивъ, хоть подъ аффектомъ своего беременнаго состоянія? Проснувшись утромъ, когда уже мужъ ушелъ на работу, она дала выспаться ребенку; потомъ одѣла ее, обула и напоила кофеемъ. Затѣмъ отворила окно и выбросила ее за окно. Не взглянувъ даже изъ окна внизъ, чтобъ посмотреть, что стало съ ребенкомъ, она затворила окно, одѣлась и отправилась въ участокъ. Тамъ объявила о происшедшемъ, отвѣчала на вопросы грубо и странно. Когда ей, уже нѣсколько часовъ спустя, возвѣстили, что ребенокъ остался живъ, она, не обнаруживъ ни радости, ни досады, совершенно равнодушно и хладнокровно замѣтила какъ бы въ задумчивости: „какая живучая“. Затѣмъ, въ продолженіе почти полутора мѣсяца, въ двухъ тюрьмахъ, въ которыхъ ей пришлось находиться, она продолжала быть угрюмой, грубой, неразговорчивой. И вдругъ все разомъ прошло: всѣ остальные четыре мѣсяца до разрѣшенія отъ бремени и все остальное время, на первомъ судѣ и послѣ суда, начальница женскаго отдѣленія тюрьмы не могла ея нахвалиться: явился характеръ ровный, тихій, ласковый, ясный. Впрочемъ, я все это уже описывалъ прежде. Однимъ словомъ, прежній приговоръ былъ кассированъ, а затѣмъ состоялся новый, 22 апрѣля, который Корнилова была оправдана.

Я былъ въ залѣ суда и вынесъ много впечатлѣній. Жаль только, что нахожусь въ полной невозможности передать ихъ и буквально принужденъ ограничиться лишь самыми немногими словами. Да и сообщаю о дѣлѣ единственно потому, что прежде много писалъ о немъ, а стало-быть, считаю не лишнимъ сообщить читателямъ и

объ исходѣ его. Судъ продолжался вдвое долѣе прежняго раза. Составъ присяжныхъ засѣдателей былъ особенно замѣчательнъ. Призвана была новая свидѣтельница—начальница женскаго отдѣленія тюрьмы. Показаніе ея о характерѣ Корниловой было очень вѣско и въ ея пользу. Замѣчательно очень было показаніе мужа подсудимой: съ необычайною честностью онъ не скрылъ ничего, ни ссоръ, ни обидъ съ его стороны, оправдывалъ жену, говорилъ сердечно, прямо, откровенно. Онъ всего только крестьянинъ, правда, носящій нѣмецкое платье, читающій книги и получающій тридцать рублей ежемѣсячнаго жалованья. Затѣмъ замѣчательнъ былъ подборъ экспертовъ. Приглашено было шесть человекъ,—все извѣстности и знаменитости въ медицинѣ; изъ нихъ давали показанія пятеро. Трое заявили, не колеблясь, что болѣзненное состояніе, свойственное беременной женщинѣ, весьма *можно* повліять на совершеніе преступленія и въ данномъ случаѣ. Одинъ лишь докторъ Флоринскій съ этимъ мнѣніемъ былъ не согласенъ, но, къ счастью, онъ не психіатръ и мнѣніе его прошло безъ всякаго значенія. Послѣднимъ показывалъ извѣстный нашъ психіатръ Дюковъ. Онъ говорилъ почти около часу, отвѣчая на вопросы прокурора и предсѣдателя суда. Трудно представить себѣ болѣе тонкое пониманіе души человѣческой и болѣзненныхъ ея состояній. Поражало тоже богатство и разнообразіе многолѣтнихъ и чрезвычайно любопытныхъ наблюденій. Чтò до меня, то я выслушалъ нѣкоторые изъ показаній эксперта рѣшительно съ восхищеніемъ. Мнѣніе эксперта было вполнѣ въ пользу подсудимой: онъ *утвердительно* и *доказательно* заключилъ о несомнѣнномъ, по его мнѣнію, болѣзненномъ состояніи души подсудимой, во время совершенія ею страшнаго преступленія.

Кончилось тѣмъ, что самъ прокуроръ, несмотря на свою грозную рѣчь—отказался отъ обвиненія въ преднамѣренности, т.-е. отъ самой главной злобы обвиненія. Защитникъ подсудимой, присяжный повѣренный Люстигъ, тоже чрезвычайно ловко отбилъ нѣсколько обвиненій, а одно, важнѣйшее,—долгую будто бы ненависть мачихи къ падчерицѣ,—привелъ къ полному нулю, осязательно обнаруживъ въ немъ лишь коридорную сплетню. Затѣмъ, послѣ длинной рѣчи предсѣдателя, присяжные удалились и мѣнѣе чѣмъ черезъ четверть часа вынесли оправдательный приговоръ, произведшій почти восторгъ въ многочисленной

публикѣ. Многіе крестились, другіе поздравляли другъ друга, жали другъ другу руки. Мужъ оправданной увелъ ее въ тотъ же вечеръ, уже въ одиннадцатомъ часу, къ себѣ домой и она, счастливая, вошла опять въ свой домъ, почти послѣ годового отсутствія, съ впечатлѣніемъ огромнаго вынесеннаго ею урока на всю жизнь и явнаго Божьяго перста во всемъ этомъ дѣлѣ, — хотя бы только начиная съ чудеснаго спасенія ребенка.

Къ моимъ читателямъ.

Прибѣгаю къ чрезвычайному снисхожденію моихъ читателей. Въ прошломъ году, изъ-за моей побѣдки лѣтомъ въ Эмсѣ для лѣченія болѣзни, я принужденъ былъ выдать №№ „Дневника“ за іюль и августъ мѣсяцы вмѣстѣ, въ одномъ выпускѣ, 31-го августа, конечно, въ удвоенномъ числѣ листовъ. Въ нынѣшнемъ же году, по усилившейся еще болѣе моей болѣзни, я принужденъ выдать и майскій № съ іюньскимъ вмѣстѣ, въ одномъ выпускѣ, въ концѣ іюня или въ самыхъ первыхъ числахъ іюля. Затѣмъ іюльскій и августовскій №№, какъ и въ прошломъ году, выйдутъ тоже въ августѣ. Съ сентября же мѣсяца №№ „Дневника“ начнутъ опять выдаваться аккуратно въ послѣднее число каждаго мѣсяца.

Уѣзжая изъ Петербурга, по приговору докторовъ, я заявляю, что хотя въ Петербургѣ помѣщеніе редакціи и будетъ закрыто до самаго сентября, тѣмъ не менѣе всѣ иногородные подписчики и читатели, *равно какъ и всѣ петербургскіе*, въ случаѣ надобности, могутъ обращаться *письменно* въ редакцію совершенно какъ и прежде. Письма эти будутъ немедленно доставлены завѣдующимъ редакціей и всякая жалоба, всякое недоумѣніе и проч. будутъ попрежнему въ скорѣйшемъ времени удовлетворены. Равно всѣ письма на мое имя будутъ немедленно мнѣ доставлены. На этотъ счетъ сдѣланы редакціей самыя точныя распоряженія. Подписка попрежнему можетъ продолжаться: подписавшіеся будутъ немедленно удовлетворены.

Не знаю, извинять ли меня мои читатели и подписчики „Дневника Писателя“? При такомъ непредвидѣнномъ обстоятельствѣ, какъ усложненіе болѣзни, трудно было угадать все это впередъ. Огромное большинство читателей моихъ относилось доселѣ ко мнѣ весьма доброжелательно, въ чемъ я увѣренъ по твердымъ фактамъ. Осмѣливаюсь ждаты этой доброты и теперь.